

УДК 316.34/.35

ББК 60.546

Л 82

А.В. Лубянов,

аспирант кафедры социальных коммуникаций и технологий факультета социально-исторического образования Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, тел.: 8-918-581-89-99, e-mail: lubyanov.inc@gmail.com

Роль идентичности в формировании региональной общности

(Рецензирована)

Аннотация. Статья посвящена обсуждению проблемы целостности региона как социально-территориальной общности. Ее актуальность объясняется процессом федерализации современной России и иммиграционной динамикой населения. Оба фактора определяют условия для экономической самостоятельности региона, эффективность которой производна от степени солидарности населения. Систематизируя теоретические подходы к анализу проблемы социальной солидарности, автор показывает несовпадение региона как субъекта административного управления и территориально-региональной общности. Формирование регионального сообщества предполагает опору на региональную идентичность. В статье анализируются универсальные и специфические компоненты региональной идентичности, роль в ее конструировании образа территории. Автор акцентирует также внимание на факторах торможения естественного формирования региональной идентичности: дифференциации региона по типам поселения и по этнокультурным группам. Большое внимание уделяется рассмотрению административного фактора в формировании регионов, который имеет разное влияние в зависимости от принципов взаимодействия центра и территорий. Автор показывает, что централизованный механизм формирования регионов, которые наделяются относительной экономической самостоятельностью, требуют от субъекта управления конструирования региональной идентичности.

Ключевые слова: региональная общность, идентичность, интеграция, централизация, административный фактор, образ территории, социальное конструирование.

A.V. Lubyarov,

Post-graduate student of the Department of Social Communication and Technology, Faculty of the Social and Historical Education of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, tel.: 8-918-581-89-99, e-mail: lubyanov.inc@gmail.com

The role of identity in the formation of regional unity

Abstract. The article discusses the problem of the integrity of the region as a social and territorial community. Its topicality is explained by the process of federalization of modern Russia and by immigration population dynamics. Both factors determine the conditions for the economic independence of the region, the effectiveness of which is derived from the degree of solidarity of the population. Systematizing theoretical approaches to the analysis of the problem of social solidarity, the author shows non-coincidence of the region as a subject of administration as well as a territorial regional unity. Formation of a regional community involves reliance on regional identity. The article analyzes the universal and specific components of regional identity, its role in the construction of the image area. The author focuses also on factors braking natural formation of regional

identity: differentiation by type of settlement in the region and ethno-cultural groups. Much attention is paid to the administrative factor in the formation of regions, which has a different effect depending on the principles of interaction between the center and regions. The author shows that a centralized mechanism for the formation of regions that are endowed with the relative economic independence, requires regional identity construction from the subject of management.

Keywords: regional community, identity, integration, centralization, administrative factor, the image of the territory, social construction.

Постановка проблемы. Феномен локального сообщества в его разных вариантах — сельского мира, городских комьюнити, региональной общности, — не часто выдвигалась в качестве предмета исследования в отечественной социологии. Хотя в классических работах социологов начала конца XIX—начала XX в. анализ механизма социальной солидарности, который лежит в основании социальной идентичности, находился в центре внимания, что и определило ведущее место этой проблематики в современной социологии. Слабое внимание российских социологов к локальным (региональным) сообществам объясняется тем, что в свое время распад Российской империи актуализировал проблему удержания целостности государства, формирования новой идентичности в старых территориальных границах. При всей декларации союзного характера государства и федеративного построения России, как ядра СССР, все усилия были направлены на строительство государства централизованного типа, и соответственно, на формирование общности населения по политико-идеологическому основанию. Воспроизводство всякого рода локальных общностей или субкультур не допускалось, т.к. в них усматривалась угроза государственной солидарности.

В настоящее время переход к реальному федерализму и возможность субъектам федерации проводить собственную региональную экономическую политику внутри страны и на международном уровне выдвинули в центр внимания социологов проблему солидарности локальных территорий — регионов (субъектов федерации), городов, сельских поселений. В этих условиях обнаружилось различие между населением территории и территориальной

общностью. Это различие объясняется спецификой региона как территориального образования, которую четко выразил академик Н.И. Лапин: «регион как сообщество людей находится между обществом как целым (социетальный уровень) и поселениями — городами и поселками, селами и деревнями, т.е. первичными территориальными общностями» [1]. На уровне административного управления регион предстает в качестве субъекта федерации. Промежуточное положение проявляется в отсутствии ресурсов для производства и поддержания социетальных ценностей, и достаточной протяженностью территории, — для того, чтобы сохранять плотность межличностных коммуникаций. Иными словами, регион как территориальное сообщество не обладает духовно-символической связанностью, сложившейся стихийно в культурно-исторической динамике.

Особенно остро эта проблема высветилась в условиях разрушения экономических связей различных регионов, кризисе экономики, миграционных перемещениях населения. Возникшая практическая проблема стимулировала выдвижение гипотезы о необходимости для формирования территориальной (региональной) общности конструирования и продвижения региональной идентичности.

Специфические компоненты идентичности региональной общности. Сложность исследования этого феномена связана, прежде всего, с многозначностью понимания региональной идентичности, т.к. этот конструкт включает в себя социальную, культурную, ментальную, символическую, составляющие. В процессе культурно-исторической динамики эти компоненты проходят через ряд метаморфоз (например, переход из сферы культуры

в ментальную или символическую сферы, когда речь идет о формировании образа территории). Кроме того, не очевидна взаимосвязь территориального, ментального, символического оснований формирования региональной идентичности. Эта ситуация требует систематизации теоретико-методологических подходов к исследованию феномена региональной идентичности.

В данной работе внимание будет сосредоточено на подходах, акцентирующих разные ракурсы формирования идентичности. Ее содержание рассматривают: а) как специфический вариант социальной идентичности, вызванный территорией поселения; б) в контексте культурной гетерогенности населения региона, что порождает противоречия в формировании единого ценностного основания идентичности; в) в кратическом контексте, как осознание особого положения территории (провинции) по отношению к властному центру. Рассмотрим основные позиции этих подходов.

Известный немецкий социолог Ф. Теннис, указывал на то, что большое значение для анализа механизма формирования социальной идентичности имеют следующие четыре дихотомии: знакомость и чуждость, симпатия и антипатия, доверие и недоверие, связанность — разобщенность. Знакомый человек, особенно в «чужой» среде сразу вызывает чувство общности [2]. С определением знакомого/незнакомого тесно связана другая оппозиция теннисовского анализа идентичности — симпатия и антипатия. Симпатия и антипатия, по мнению Ф. Тенниса, инстинктивны, связаны с представлениями о внешних чертах, чувствами. Если знакомые люди вызывают в нас те или иные эмоции, укрепляя пространство идентичности, то незнакомцы, казалось бы, не вызывают особых эмоций. Тем не менее, они расширяют границы пространства интеракции.

Позитивные эмоции возникают на иррациональной основе, но могут быть связаны с рациональными представлениями личности о тех, кто «на нашей стороне, в нашем лагере, независимо

от того, знакомы ли мы уже с ними или только знакомимся...» [2]. Пространство коллективной идентификации поддерживается антипатией к чужакам. Третью составляющую анализа социальной идентичности Ф. Тенниса составляет доверие и недоверие. Безусловно, наибольшее доверие мы испытываем к знакомым людям, однако, социальный опыт подсказывает, что первое чувство может быть обманчивым. К незнакомцам мы, как правило, не испытываем доверия. Вместе с тем, доверие к незнакомым людям может оказывать воздействие на пространство идентичности, поскольку мы часто вынуждены доверять незнакомцам, опираясь на доверие к институтам, которые они представляют (например, мы доверяем профессионализму машиниста, врача, адвоката, судьи).

И, наконец, четвертая дихотомия у Ф. Тенниса определена понятием «связанности». Одни люди связаны между собой, то есть находятся в отношениях долженствования-подчинения, другие не находятся в такой связи, и, соответственно, свободны от обязательств. «Соединение, связывание (Bindung) противоположно свободе, — пишет Ф. Теннис, — оно означает обязывание, долженствование, недозволение». Подобная «связанность» основывается и на вчувствовании и на мыслительном выборе, оно связывает содержание всех предыдущих дихотомий. Как отмечает немецкий социолог, «человек связан с другими людьми постольку, поскольку знает, что он с ними связан; он знает об этом или в большей степени чувственно, или в большей степени мысленно; отсюда возникают чувство или ясное сознание обязательности, должности, непозволительности и справедливое отвращение от последствий неправильного, противоправного, противозаконного и вообще неправомерного и, наконец, не-нравственного и не-приличного действия и поведения» [2].

Концепция Ф. Тенниса позволяет сформировать общую методологию рассмотрения механизма социальной идентичности, в основе

которой лежит представление о том, что идентичность прежде всего связана со стремлением индивида отделиться от представителей «чужого» социума и идентифицировать себя со «своим» социумом. Наиболее широкой и естественной (примордиальной) основой для такой идентичности выступают территориально-пространственные характеристики. Однако в рамках данной концепции роль территориального фактора в формировании идентичности не получила пока самостоятельного анализа.

Эта проблема нашла свою разработку в работах Б. Андерсона [3], который уделил большое внимание функциональной значимости региона и функциональному различению представителей «своего» социума по отношению к остальным членам общества в результате формирования региональной идентичности. По мнению Б. Андерсона, именно ограничение функциональных связей по принципу единства территории приводит к формированию сообществ с высокой степенью социальной идентичности. Он также отмечает, что на начальных этапах своего развития региональная общность, являясь территориальной группой, проживая на одной территории, не осознает себя в качестве территориального сообщества. При этом он выделяет очень важный тезис: формирование территориальной идентичности как бы идет за *образом* территории. В этом качестве может выступать отображение территории региона на карте, или литературный образ, или художественные полотна, запечатлевшие территорию.

Факторы торможения формирования региональной идентичности. Значимыми источниками культурной гетерогенности региона, которые проявились в период модернизации, являются: различие типов поселения (город-село); и этноконфессиональные различия населения регионов. Культурная гетерогенность оказывает тормозящее влияние на формирование идентичности региональной общности, препятствует территориальной группе населения воспринимать себя

в качестве локального сообщества («Мы-идентичности»).

Проблему ментальных различий населения в зависимости от типа поселения подробно проанализировал в одной из своих ранних работ — «Принципы сельско-городской социологии», П.А. Сорокин [4]. Обращая внимание на сопряженность города и деревни, он подчеркивает их существенное различие, выделяя восемь групп переменных: занятость, среда обитания, размер общины, плотность населения, этнопсихологические различия или однородность населения, особенности социальной дифференциации, характер мобильности населения, специфика социального взаимодействия. Основу ментальных различий города и села задает тип занятости и влияние естественно-природного фактора; они же определяют небольшую численность сельских общин, их замкнутость и культурную однородность. Городская социальная среда предполагает большие общины, а численность населения напрямую зависит от степени развития города и уровня городской культуры.

В целом, социальное взаимодействие в рамках региональных сельских общин характеризуется П.А. Сорокиным с точки зрения ограниченности социальных контактов, узости сферы взаимодействия. Как отмечает П.А. Сорокин, для жителей сельской местности характерны искренние отношения, устойчивые личные связи. Социальные отношения протекают прежде всего в сфере личных контактов. Социальная коммуникация ограничена. [4] Контакты горожан многочисленны, в значительной степени обезличены, ограничены во времени. Социальная коммуникация основывается на вторичных связях, отношения сложные и формализованные. Социальные практики селян носят «прямой» характер, практики горожан основаны на косвенном опыте. Город рассматривается П.А. Сорокиным как инноватор, тогда как в сельской местности хранят национальные традиции и национальную культуру. Соответственно город видоизменяет традиционную культуру.

Другим фактором культурной гетерогенности региона выступает этноконфессиональная дифференциация населения. Этот фактор также проявился в эпоху развития урбанизации. Городской тип поселения непосредственно связан с полиэтничностью и поликонфессиональностью. Рост численности полиэтничного городского населения по отношению к сельской провинции может вызвать разрушение сложившегося территориального пространства идентичности (преимущественно этноконфессиональной). Здесь возникает ряд проблем, которые в России рассматривались в контексте концепта Русской идеи Г.П. Федотовым, Н.А. Бердяевым и другими мыслителями конца XIX — начала XX вв. Этот подход развивается в современной отечественной науке с опорой на диалектику этнической и гражданской идентичности [5]. Концепция эмпирического социологического изучения многоуровневой идентичности (этнокультурной, локально-территориальной и гражданской) на региональном уровне была предложена Г.С. Денисовой и Л.В. Клименко [6]. Они ввели три таксономических уровня региональной общности, которые продуцируют и разные типы идентичности. Локальный, поселенческий уровень общности связан с повседневной коммуникацией и повседневными практиками человека и формирует микросоциальный уровень идентичности. Это один из самых соотнесенных с территориальной локализацией смыслов идентичности. Авторы отмечают тесную связь микроуровня региональной идентичности с этнической идентичностью. Поскольку отображение, презентация и апелляция к пространственным сеткам, пространственным схемам и границам носит для индивида примордиальный, то есть, первичный характер, то этническая идентичность вплетается в данный уровень региональной идентичности, поскольку территория рассматривается как необходимый элемент этнической культуры.

Второй, субрегиональный уровень (мезоуровень) формируется соотне-

сенностью индивида с той или иной административно-территориальной единицей, учреждаемой государством (субъектом федерации). На этом уровне взаимодействуют, пересекаются примордиальные (естественно сформированные, локальные) компоненты и конструируемые. Третий уровень связан макрорегиональной идентичностью, включающей отношение индивида к широкой территориально-географической общности («сибиряки», «волжане», «кавказцы», «южане» и др.). Его отличительной особенностью является то, что он не формируется стихийно, с одной стороны, и требует от индивида некоей отстраненности, абстрагирования от повседневных практик. Это уровень коллективного сознания, на которое активное воздействие оказывают идеология, средства массовой информации, а также опыт предыдущих этапов исторического развития, особенности исторической памяти и менталитета.

Таким образом, представленная выше структура анализа региональной идентичности опирается на взаимопроникновение элементов одного уровня идентификации в другой. Кроме того, налицо следующие три составляющие изучения региональной идентичности: социум, социальные отношения в рамках региональной общности, содержание территории и особенности этнокультурного различия.

Развитие социальных тенденций индустриализма, урбанизма и информационных технологий показывают основные векторы преодоления культурной гетерогенности региона. В частности, ментальные различия города и села преодолеваются в относительно длительный период при условии их тесной экономической взаимосвязи этих. Город принимает на себя функцию технико-экономического обслуживания села, модернизации традиционных культурных ценностей и постепенного поглощения избыточного сельского населения. Непротиворечивое совмещение этноконфессионального многообразия достигается при доминировании гражданско-правовых ценностей,

формируемых и поддерживаемых государственными институтами.

Имея в виду эту общетеоретическую схему, укажем на то, что в современном обществе реальные процессы проходят в ускоренном формате и потому обычно не оставляют возможностей для естественного формирования социокультурной гомогенности региона. В этих условиях доминирующее значение приобретает государственный, кратический фактор, который административным способом определяет территориальные границы регионов, и, как следствие, — несовпадение административных и этнокультурных границ.

Роль административного фактора.

Рассматривая административный фактор конструирования регионов, Н.Ю. Замятина выделяет следующие этапы:

1) концентрация социума вокруг того или иного места в пространстве происходит в результате развертывания механизма властных отношений в социуме и выборе места в процессе формирования символической власти той или иной группы;

2) разная экономическая ценность участков пространства и принадлежность их к той или иной социальной группе, оказывает влияние на формирование социальных отношений; возникающие социальные иерархии способствуют упорядочиванию социальных отношений, что в свою очередь влияет на развитие системы участков пространства, освященных уже определенной социальной иерархичностью [7];

3) на более высоких этапах формирования государственности, складывании централизованного государства происходит равертывание территориально-социальных отношений по линии «центр — периферия».

Как отмечает известный немецкий историк и культуролог Я. Ассман, процесс формирования территориальной идентичности поддерживаются за счет ряда факторов-катализаторов. К первому типу катализаторов относится стремление индивида или этнокультурной группы адаптироваться к «чужой» культурной среде

(например, к такому типу относится социальный опыт поляков-эмигрантов в США, описанный в знаменитой работе У. Томаса и Ф. Знанецкого) [8]. Ко второму типу катализаторов относится политика централизации, т.е. подчинения различных территорий властному центру. По мнению Я. Ассмана, и первый, и второй тип катализирующего влияния связан с интегрирующими процессами, но в первом случае в роли такой интегрирующей силы выступает стремление групп (локальностей) преодолеть культурную дифференциацию, а во втором — интегрирующей силой обладает идея, исходящая из общего центра [9]. Разница в факторах интенсификации отражается на различиях в пространственной организации регионов. Там, где доминирует интеграционный посыл от локальных групп, центр отвечает за складывание того культурного образца, который создает условия для объединения периферии. Культурная среда, порождающая подобный образец, не представляет элитарную культуру, но является для центра «феноменом верхних слоев», а периферия только приобщается к этой культурной среде, которую «элита лучше усвоила и воплотила» [9]. Интеграционный посыл от центра, напротив, ставит в более жесткие рамки для проявления культурного разнообразия периферии.

Это различие с точки зрения специфики региональной идентичности отмечает и Н.Ю. Замятина. Она показывает, что если территориальное общество сформировано интеграционными процессами, инициированными центром, то в региональной идентичности преобладают «вертикальные образы». Напротив, если формирование сообщества связано с акцентированием внимания на отличии «от чужого» — преобладают «горизонтальные» образы своей территории» [7]. Под «вертикальными образами» Н.Ю. Замятина понимает те, которые связаны с утверждением существования «масштабной» территории (например, большого государства) и мало связаны с конкретным окружающим географическим

пространством. «Горизонтальные» образы, напротив, опираются на конкретную географическую специфику локальных территорий [7].

Иными словами, общества, интегрирующиеся централизованным способом, не нуждаются в особой репрезентации пространства по отношению к культурной среде региональной общности. Здесь действуют другие механизмы идентичности, которые связаны в большей степени с констатацией определенной территориальной близости, указанием на территориальное единство, но без апелляции к пространственным признакам территории. Региональные общности, формирующиеся методом дифференциации от других, напротив, ориентированы на представление собственной идентичности в конкретных территориально-географических образах.

Большинство современных ученых, разрабатывающих концепт идентичности, обращают внимание на то, что она является определенным конструктом, результатом производства символического продукта. Я. Ассман настаивает на формировании идентичности как «доведении до сведения» индивида его принадлежности к некоторой культуре», а коллективная идентичность представляет собой «социальную принадлежность, ставшую предметом рефлексии» [9]. Эта позиция разрабатывается всем направлением современного конструктивизма. По мнению Б. Андерсона, наличие образа общей территории является одним из основополагающих факторов, способствующих превращению функциональной территориальной группы в территориальное сообщество, а механизм разделения сообществом окружающего мира на образы связан с конституированием индивидов в региональное сообщество.

В свете этого тезиса Б. Андерсона, трудно переоценить социокультурную роль региональной идентичности: с одной стороны, она направлена на сохранение жизненного мира локальных сообществ, с другой стороны — на преобразование социальных ресурсов и человеческого потенциала этих

сообщества в социальный и культурный капитал. Этот тезис особенно актуален в условиях федерализации современного российского государства, территориальное управление которого не имеет прочных традиций поддержки и опоры на региональные сообщества.

Генеральным вектором государственного развития России после 1917 г. является воспроизводство унитарного централизованного политического устройства в конституционной оболочке федерализма. Новая российская государственность, создаваемая на принципах Конституции 1993 г., утверждается в условиях глубокого экономического кризиса и вызовов глобальных рисков, что обуславливает наращивание административного ресурса для сохранения территориальной целостности страны. Этим объясняется сохранение отказа от опоры на возможности и ресурсы культурного многообразия регионов, рассмотрение их как функционального населения территорий, а не как территориальные общности.

Иными словами, в управлении территориями сохраняется сложившаяся в истории России традиция — регионы по прежнему рассматриваются как объекты управления со стороны центральной власти, а не как субъекты, выступающие ее равноправными партнерами. На это указывают исследования социокультурных портретов регионов России, которое с 2005 г. проводится под руководством академика Н.И. Лапина. Анализируя обширный эмпирический материал, характеризующий антропокультурную, социо-экономическую и институционально-регулятивную сферы функционирования регионов (субъектов федерации), он показывает, что на уровне администрации регионов, и первичной таксономической единицы региона — муниципального образования, — даже не осознается и потому — не реализуется их социокультурная миссия — «поддержание солидарности людей, их активности (культурной, гражданской, экономической) и доверия органам

власти» [10]. Как результат — локальные сообщества оказываются под угрозой разрушения со стороны централизованных формализованных институтов. Еще один комплексный результат исследования регионов — возникновение целых сфер деятельности, которые тормозят развитие регионов, консервируют их депрессивное состояние. К ним относятся: дефицит предпринимательства, которое тормозится сверхприбылями естественных монополий; неэффективность существующего правопорядка, который не защищает население от опасности преступности; неэффективность муниципальных реформ, которые вызвали снижение управляемости и рост управленческих расходов. Итоговый вывод, который делается автором проекта: «наличие застойных сфер свидетельствует о дефиците институтов саморазвития регионального сообщества и общества в целом» [10].

Преодоление сложившейся ситуации требует не только пересмотра принципов и задач муниципальных реформ, перехода к созданию базы для экономической самодостаточности муниципалитетов [10], но и активной работы в области конструирования региональной идентичности, понимая под регионом субъект федерации. При таком подходе возможно обеспечение не только ресурсов для активизации экономической активности, но и наполнение ее смыслами социетальных ценностей.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие **выводы**:

Специфика регионально-территориального сообщества заключается в проблематичности стихийного формирования устойчивой идентичности по территориальному признаку, осо-

бенно в условиях административного формирования регионов как территориально-экономических единиц. Вместе с тем, необходимость эффективного управления обуславливает опору на солидарные региональные связи, что требует специальной деятельности по конструированию и укреплению региональной идентичности.

Анализ основных теоретических концептов изучения региональной идентичности, показывает, что ее содержание образуют универсально социетальные и специфические компоненты, к числу которых относится пространственно-географический образ, выраженный в различных литературно-художественных символах. Его роль усиливается в условиях интеграционных процессов, инициированных регионами.

Факторами торможения распространения и укрепления региональной идентичности выступает поселенческая и этноконфессиональная дифференциация региона, что также требует опоры на актуализации общего символического пространства и единой гражданско-правовой основы целостной государственной системы.

В конструировании региональной идентичности доминирующая роль принадлежит административному фактору — административному управлению регионального уровня, функция которого в сохранении и актуализации самобытности жизненного мира локальных сообществ, наделении их ресурсами для экономической самодостаточности, интеграции в целостную региональную систему на основании поддержания историко-культурных ценностей и символов локальных территорий и гражданско-правовых основ государственной системы.

Примечания:

1. Лапин Н.И. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы. М., 2006. С. 117.

2. Теннис Ф. Общность и общество. URL: <http://socioline.ru/pages/f-tennis-obshchestvo-i-obshchestvo>.

3. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-пресс-Ц, 2001.

4. Sorokin P.A., Zimmerman C.C. Principles of Rural-Urban Sociology. N. Y.: Henry Holt and Company, 1929; См. также: A systematic source book in rural sociology: in 3 Vol. / ed. by P. Sorokin, C.C. Zimmerman, C.J. Calpin. Wash.; Minneapolis, 1930. Vol. 1.

URL: <http://pitirim.org/index.php/theories-pitirim-sorokin/early-research/> 93-2012-02-21-04-35-34

5. Российская идентичность на северном Кавказе / З. Жаде, Е. Куква, С.Ляушева, А. Шадже. М.; Майкоп, 2010.
6. Денисова Г.С., Клименко Л.В. Особенности региональной идентичности населения Юга России // Социологические исследования. 2013. №7. С. 26.
7. Замятина Н.Ю. Территориальные идентичности и социальные структуры // Общественные науки и современность. 2012. №5. С. 152.
8. Thomas W., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. Second edition. N. Y., 1927. Vol. 1.
9. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.
10. Лапин Н.И. Новые проблемы исследований региональных сообществ // Социологические исследования. 2010. №7 С. 30.

References:

1. Lapin N.I. Social and cultural portrait of the region. Typical program and methodology, methodological problems. M., 2006. P. 117.
2. Tennis F. Community and Society. URL: <http://socioline.ru/pages/f-tennis-obshchnost-i-obshchestvo>.
3. Anderson B., Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Moscow: Canon Press P., 2001.
4. Sorokin P.A., Zimmerman C.C. Principles of Rural-Urban Sociology. N. Y.: Henry Holt and Company, 1929; See also: A systematic source book in rural sociology: in 3 Vol. / Ed. by P. Sorokin, C.C. Zimmerman, C.J. Calpin. Wash.; Minneapolis, 1930. Vol. 1. URL: <http://pitirim.org/index.php/theories-pitirim-sorokin/early-research/93-2012-02-21-04-35-34>
5. Russian identity in the North Caucasus / Z.Jade, E. Kukva, S.Lyausheva, A. Shadzhe. M.; Maikop, 2010.
6. Denisov G.S., Klimenko L.V. Features regional identity in southern Russia // Social Studies. 2013. №7. P. 26.
7. Zamyatin N.Y. Territorial identities and social structures // Social Sciences and Modernity. 2012. №5. P. 152.
8. Thomas W., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. Second edition. N. Y., 1927. Vol. 1.
9. Assmann Ya. Cultural memory: the letter, the memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity. Moscow, 2004.
10. Lapin N.I. New research problems of regional communities // Social Studies. 2010. №7 P. 30.